

Л. КАННЕГИССЕР

Анна Ахматова. Четки

Она живет в комнате, «где окна слишком узки», где на полках расставлены блестящие северские статуэтки, душно пахнет старое саше и не пахнут белые хризантемы и яркие георгины.

Все эти близкие предметы — ее основные понятия.

Природу понимает она только через них, небо в ее глазах, если оно тускло-голубое, — то оно, «как на древне выцветшем холсте»; если оно яркое, то непременно, «ярче синего фаянса»; тина похожа на парчу, Булонский лес — как будто нарисован тушью в старом альбоме, облачко сереет, «как беличья распластанная шкурка»...

Какая духовная скудость, какое неумение воспринимать мир непосредственно!

Пантеизм чужд ей совсем. Она знает только людей, дающих ей боль, и Бога, которому можно молиться о смерти. Иначе она не понимает и Бога.

Вся ее жизнь — «слава безысходной боли», и она ждет смерти, как большого торжества. А боль она понимает только в любви к избранному. Если она любит, то ее любовь — недуг, и другие болеют, любя ее. Не страдать любя, кажется ей преступлением, — «как он смеет быть не печальным». Ее стихи рождаются только из муки. А мучится она не потому, что ее возлюбленный «наглый и злой и любит других», не потому, что укравший ее сердце «вернет свою добычу сам», или что зеркала скажут ей: «взор твой не ясен, не ярок», — нет: мучиться и мучить — неизменная потребность ее души, и она верна ей.

Болезненная привязанность к страданию, с одной стороны, отчужденность от природы и широкого мира, с другой — основные черты характера поэтессы. И как одно придает пленительное обаяние ее стихам, так другое заключает ее дар в узкие пределы впечатлений тонких, но похожих одно на другое.

Огромное большинство человеческих чувств — вне ее душевных восприятий.

Но при всей своей ограниченности поэтический талант у Ахматовой несомненно редкий. Ее глубокая искренность и правдивость, изысканность образов, вкрадчивая убедительность ритмов и певучая звучность стиха ставят ее на одно из первых мест в «интимной» поэзии.

Почти избегая словообразования, — в наше время так часто неудачного, — Ахматова умеет говорить так, что давно знакомые слова звучат ново и остро.

